

Пусть ледяной компресс и не сотворил чуда с лицом Кэндзи Хагивары, на следующее утро оно хотя бы перестало напоминать палитру безумного художника, на которую небрежно опрокинули все краски сразу. Впрочем, как бы он ни пытался замаскировать следы вчерашнего приключения, укрыться от навязчивого сочувствия коллег из полиции префектуры Тиба оказалось делом безнадежным.

Ватару Датэ, только что вернувшийся из участка разузнать обстановку, не принес тех худших вестей, которых они втайне опасались. По словам задержанного террориста, о существовании Дзёдзи Идзуми он даже не подозревал, а вчерашняя сорванная диверсия должна была стать его боевым крещением.

— Раз уж паршивца повязали на стадии подготовки, когда он еще не успел натворить делов, на полную катушку его не закроют, — Датэ прислонился к стене больничного коридора, глядя в окно, где в ночной темноте едва угадывались силуэты деревьев. На душе у него скребли кошки.

Ему было по-настоящему жутко даже думать о том, что случилось бы, не раскрой сэмпай Идзуми этот заговор заранее. Если бы двое фанатиков беспрепятственно доставили бомбы в Токио, обезвреживать их наверняка отправили бы этих двоих — его лучших друзей. И пусть Датэ не сомневался в их безупречном профессионализме, предательский внутренний голос упорно твердил: «А если бы они ошиблись? Что, если бы рвануло?»

Какое же счастье, что судьба отвела беду. Одним смертельным риском меньше.

Дзинпэй Мацуда и Кэндзи Хагивара заметно расслабились, переглянувшись с молчаливым облегчением. Но в глазах обоих по-прежнему читалось замешательство. Если сэмпай Идзуми забился в панической атаке не из-за этого недоделанного подрывника, то что вообще могло так его подкосить?

— К гадалке не ходи, во всем виноват Паук, — Мацуда выудил из кармана пачку сигарет. Поскольку курить в помещении запрещалось, вся честная компания переместилась на больничный двор.

— Версия с отголосками ментального внушения звучит разумно, — согласился Хагивара. Одной рукой он прижимал к ноющей щеке тающий лед, а пальцами свободной руки ловко, без спросу вытянул сигарету прямо из пачки Дзинпэя.

— Староста, будешь? — невнятно пробормотал Мацуда, уже прикуривая на ходу и вопросительно косясь на Датэ.

— Избавь меня от этого, — Ватару отмахнулся. Глядя на то, как друзья щелкают зажигалками, он вздохнул: — Поумерили бы вы пыл, парни. Берегите здоровье.

— Особо тебя касается, Хагивара, — староста строго зыркнул на Кэндзи. — Дзинпэй ведь раньше за сигарету и не брался, пока ты его не сманил.

— Эй-эй, попрошу без напраслины на бедного Хаги! — шутливо возмутился Кэндзи. — Наш Сё-дзинпэй сам проявил инициативу. Заявил, видите ли, что с сигаретой в зубах он выглядит в разы brutальнее.

— Да делайте что хотите, только легкие поберегите, — проворчал Датэ. Настаивать он не стал — сам курил как паровоз, когда наваливались проблемы или сдавали нервы, хотя в мирное время старался к табаку не прикасаться.

— Будет исполнено, мамочка... — протянул Мацуда, нарочно кривя губы в глумливой улыбке.
— Наш староста вечно печется о нас, будто у него не рота курсантов, а выводок цыплят.

— Сплюнь, упаси меня бог от таких деток, — Датэ почувствовал, как у него дергается веко. — И вообще, мы академию когда окончили? Может, перестанешь звать меня старостой?

— А как еще? — Мацуда посмотрел на него с искренним недоумением. — По имени, что ли? Это же дико странно звучит.

— Ну, например, «офицер Датэ»? — Не успел адресат никак отреагировать, как Дзинпэй прыснул со смеху. — А что, звучит очень даже солидно! Не находите, офицер Датэ?

— Ты только не забудь про старых друзей, когда получишь значок повыше, — весело подмигнул Мацуда. — Ведь ты у нас теперь любимчик сэмпая Идзуми.

— Какое еще «любимчик»?! — Датэ мгновенно зажал шею Мацуды в шутливый локтевой захват. — Это ты у нас без пяти минут легенда взрывотехники, так что нос не задирай, командир Мацуда!

— Раз уж на то пошло, как насчет «Датэ-тян»? Ну или просто «Ватару»? — задумчиво вставил свои пять копеек Хагивара.

Мацуда и Датэ синхронно замерли и сделали шаг назад от шутника, скорчив одинаково брезгливые мины.

— Меня даже Натали по имени так слащаво не зовет, — Датэ тактически попятился. — Знаешь что, зовите-ка меня лучше старостой. Для твоих нежностей вполне достаточно Дзинпэя, Морофуси и Фуруи. Избавь меня от этой участи.

— Ну как я могу обделить вниманием своего любимого старосту? — Кэндзи кокетливо поиграл бровями. — Скажи же, Датэ-тян?

— Очень мило с твоей стороны, Хагивара-тян, — не остался в долгу Ватару.

Мацуда, вынужденный переставлять ноги в такт шагам удерживающего его Датэ, мысленно завел таймер: «Пять секунд... десять... пятнадцать...» Сладкая парочка самозабвенно обменивалась любезностями, но Дзинпэй не испытывал ни малейшего дискомфорта. Если бы руки были свободны, он бы сейчас просто молча прикурил вторую.

— Ладно, мир. Давай прекратим эту клоунаду, — Датэ наконец отпустил Мацуду и поежился, растирая плечи от воображаемых мурашек.

— Поддерживаю, — согласился Хагивара. Кэндзи тоже передернуло — при мысли о том, что к нему прицепится прозвище «Хагивара-тян», у него возникало отчетливое желание немедленно эвакуироваться с этой планеты.

Мацуда молча закатил глаза, дивясь детскому саду. Подойдя к урне, он прицельным щелчком отправил туда потухший окурок и повернулся к друзьям:

— Время позднее. Хагивара, топай в свое общежитие в Тибе и ложись спать. А ты, староста, если поторопишься, еще успеешь перехватить Натали. Сэмпай я караулю сам.

— Точно справишься один? — с сомнением спросил Датэ, прикидывая в уме, не послать ли Натали извинительную эсэмэску, чтобы остаться дежурить в больнице.

— А в чем проблема-то? — усмехнулся Мацуда. — Развели тут трагедию, будто сэмпай при смерти. Доктор же ясно сказал: ему просто нужен хороший сон. Так что брысь отсюда. И помни, Хаги, — Дзинпэй ехидно зыркнул на Кэндзи, — завтра на смену. Тебе еще предстоит придумать героическую байку для коллег о том, за какие заслуги тебе так разукрасили физиономию.

— Ну ты и язва, Сё-дзинпэй, — Кэндзи картинно прикрыл ладонью несчастную щеку, но препираться не стал и послушно поплелся к выходу.

— Тогда оставляю пост на тебя, Мацуда. Спасибо, выручил, — Датэ хлопнул друга по плечу и поспешил следом за Хагиварой.

— Давайте-давайте, — помахал им рукой Дзинпэй и, когда шаги парней стихли в конце коридора, вернулся в палату.

Дзёдзи Идзуми пришел в себя только следующим утром. В палате царил мягкий полумрак — кто-то заботливо задернул тяжелые плотные шторы, сквозь стык которых упрямо пробивались тонкие золотистые лучи раннего солнца.

— Сэмпай, вы очнулись?

Мацуда, как раз зашедший в палату с пакетом из супермаркета, застал Идзуми сидящим на

кровати. Дзёдзи выглядел совершенно растерянным: волосы взъерошены, а забавный непослушный хохолок на макушке качнулся из стороны в сторону, прежде чем его обладатель повернулся на голос.

— Доброе утро... Дзинпэй, — Дзёдзи потер гудящие виски.

Собственная живучесть вызвала у него искреннее удивление. Эх, показать бы его сейчас суровому инструктору Онидзуке из академии, который вечно ворчал, что Идзуми развалится от первой же серьезной нагрузки!

А нагрузки за эти сутки выдались поистине титанические. Пережить гипнотический кошмар Паука в Особняке Опадающей Луны, расследовать коварное отравление в лавке карри, столкнуться во время прогулки на побережье с полоумными подрывниками, да вдобавок ко всему принять от разбушевавшейся Системы тонну чужих воспоминаний о первом цикле...

Обычный человек уже лежал бы пластом, а он всего за ночь умудрился восстановиться настолько, что чувствовал себя вполне бодро.

— Сэмпай? — Мацуда тихо закрыл дверь и подошел ближе, заметив, что Идзуми снова завис, глядя в пустоту.

— Ой, прости, задумался о своем, — Дзёдзи виновато улыбнулся и принял протянутый треугольник сэндвича. — Спасибо.

— Сам-то ел? — спросил Дзёдзи, откусывая кусочек. Сэндвич с нежным омлетом и поджаренным беконом оказался еще теплым.

— Да, перекусил по дороге. Вот, кстати, держи, — Мацуда поставил на тумбочку бутылочку горячего молока. — Обязательно выпей.

Дзёдзи бросил взгляд на бутылку, и его лицо мгновенно исказилось в такой гримасе отвращения, что Мацуда невольно осекся.

— Что-то не так? — Дзинпэй недоуменно посмотрел на молоко. — Не любите?

Дзёдзи замялся. Ему отчаянно хотелось отказаться, но язык словно прирос к гортани — слова протеста так и не сорвались с губ.

В груди защемило, тоскливое тепло разлилось по венам. Теперь, владея памятью о первом цикле, он знал, что может предотвратить их гибель, что у него есть время переписать этот мрачный сценарий. Но те же воспоминания слишком ярко воскресили в душе кошмар их потери. настолько ярко, что даже такое крошечное проявление дружеской заботы казалось ему величайшей драгоценностью, которую безумно не хотелось отвергать.

— Ну ладно, без паники. Я на всякий случай взял еще и овсяное, — Мацуда, заметив его замешательство, вытащил из кармана куртки вторую теплую бутылочку и поставил рядом. — Овсяное пойдет?

— Да, овсяное — супер. Главное, чтобы у него был хоть какой-то вкус, — с явным облегчением выдохнул Идзуми. Без добавок обычное цельное молоко он не переносил на дух — разве что в компании с крепким кофе или щедрой порцией сахара.

— Ну и отлично. Тогда собирайтесь понемногу, а я схожу оформлю выписку, — Мацуда поднялся со стула. Его взгляд на секунду зацепился за покачивающийся хохолок на макушке Дзёдзи, и пальцы Дзинпэя снова предательски зазудели от желания его пригладить. — А обычное молоко не пропадет, я найду ему применение.

— Сё-дзинпэй, друг мой любезный, так вот оно какое — твое «применение»? Просто влить его в меня?! — Кэндзи Хагивара под тяжелым, не обещающим ничего хорошего взглядом Мацуды зажмурился и с выражением обреченного мученика осушил бутылку теплого молока до капли.

— Нечего продукты переводить, — невозмутимо отозвался Дзинпэй, устроившись на стуле Хагивары в ожидании Дзёдзи, который сейчас заканчивал давать показания следователям.

Кэндзи, прекрасно знавший своего друга детства, ни на грош не поверил в эту внезапную бережливость. Дзинпэй сам терпеть не мог молоко, потому и сбыл его при первой возможности. Единственный период, когда Мацуда добровольно пил этот напиток, пришелся на среднюю школу. Тогда Кэндзи, который всегда был на полголовы ниже, за лето резко вытянулся вверх. Задетое мальчишеское самолюбие заставило Дзинпэя целый семестр давиться молоком, пока разница в росте наконец не сгладилась.

— Чего ты лыбишься так странно? — Мацуда брезгливо покосился на Кэндзи, делая вид, что не имеет никакого отношения к этому чудику с пустой бутылкой.

— Да так, вспомнил кое-что веселое, — Кэндзи заговорщически наклонился к самому уху друга и зашептал: — Сё-дзинпэй, открою секрет: даже после того адского семестра ты всё равно уступаешь мне пару сантиметров.

И тут же с завидной реакцией отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от летящего пинка.

Вышедший из кабинета Дзёдзи Идзуми застал именно эту привычную картину дружеского балагана. На душе сразу потеплело от этого шумного, до боли знакомого хаоса.

«Если я уберу все опасные переменные... если защищу их от этого кошмара, они ведь смогут спокойно жить дальше под чистым небом?» — промелькнуло в голове Дзёдзи.

Он и не подозревал, что в этот самый момент Система Вершины Жизни в его сознании тихо шуршала скрытыми алгоритмами, обновляя фоновые показатели привязанности.

[Расчет параметров привязанности завершен...]

[Шкала доверия и чувств целей претерпела значительные изменения после слияния временных линий:]

[- Дзинпэй Мацуда: 80+]

[- Кэндзи Хагивара: 80+]

[- Ватару Датэ: 80+]

[Внимание: показатели целей с неактивными ветками отношений автоматически скорректированы:]

[- Хиромицу Морофуси: 70+]

[- Рей Фуруя: 70+]

<http://bllate.org/book/18343/1882239>